

MULTIDISCIPLINE PROCEEDINGS OF
**DIGITAL FASHION
CONFERENCE**

KOREA, REPUBLIC OF

Multidiscipline Proceedings of

DIGITAL FASHION CONFERENCE

September 2026 (*Volume 6, No.5*)

Copyright © 2025
By Woongjin Think Big Co., Ltd.
All rights reserved.
Available at digitalfashionsociety.org
Published:
서울 합정역
파주출판도시
ISSN 2466-0744
Seoul
Rebuplic of Korea (ROK),

EDITORIAL BOARD

Katharina Sand

*PhD Candidate - Faculty of Communication, Culture and Society, USI -
Università della Svizzera italiana*

Alice Noris

*PhD Candidate - Faculty of Communication, Culture and Society, USI -
Università della Svizzera italiana*

Michela Ornati

*Faculty of Communication, Culture and Society, USI - Università della
Svizzera italiana*

ELSEVIER

SRN
Societal Research Network

Universal
Impact Factor

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ: СУЩНОСТЬ, ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ
МЕХАНИЗМЫ ПРИМЕНЕНИЯ**

Джалалов Шамшод Дилшодович
Эксперт по ПОД/ФТ и санкционному комплаенсу,
shamshoddjalalov@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается сущность экономических санкций как инструмента международного политического и экономического воздействия. Исследуется историческая эволюция санкционных ограничений - от торговых блокад до современных целевых, финансовых, секторальных и технологических режимов. Раскрываются функции санкций (принуждение, сдерживание, сигнализирование, ограничение возможностей) и механизм их воздействия, включая адаптационные стратегии объекта. Отдельное внимание уделено проблеме эффективности санкций, в том числе принципиальному различию в трактовке "эффективности" экономической и политологической науками, а также вопросам легитимности односторонних и экстерриториальных санкций в международном праве. Обосновывается вывод о том, что санкции представляют собой комплексный инструмент экономического принуждения, результативность которого определяется не масштабом давления, а совокупностью экономических, правовых, адаптационных и системных факторов.

Ключевые слова: экономические санкции, санкционные ограничения, международные отношения, экономическое принуждение, целевые санкции, вторичные санкции, эффективность санкций, международное право, геоэкономика.

**ECONOMIC SANCTIONS IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL
RELATIONS: ESSENCE, EVOLUTION, AND MODERN MECHANISMS OF
APPLICATION**

Djalalov Shamshod Dilshodovich
Expert in AML/CFT and Sanctions Compliance
shamshoddjalalov@gmail.com

Abstract: The article examines the essence of economic sanctions as an instrument of international political and economic influence. It explores the historical evolution of sanctions restrictions-from trade blockades to modern targeted, financial, sectoral, and technological regimes. The functions of sanctions (coercion, deterrence, signaling, capability restriction) and their impact mechanism, including the target's adaptation strategies, are revealed. Special attention is paid to the issue of sanctions effectiveness, including the fundamental difference in the interpretation of "effectiveness" between economic and political sciences, as well as the issues of legitimacy of unilateral and extraterritorial sanctions under international law. The conclusion is substantiated that sanctions represent a complex instrument of economic coercion, the effectiveness of which is determined not by the scale of pressure, but by a combination of economic, legal, adaptive, and systemic factors.

Keywords: economic sanctions, sanctions restrictions, international relations, economic coercion, targeted sanctions, secondary sanctions, effectiveness of sanctions, international law, geoeconomics.

Введение

Экономические санкции занимают всё более заметное место в современной системе международных отношений. Их распространение обусловлено стремлением государств оказывать политическое и экономическое давление на другие государства, организации и отдельных субъектов без непосредственного применения вооружённой силы. В этом смысле санкции рассматриваются как один из инструментов экономической дипломатии и государственного принуждения, находящийся на пересечении внешней политики, международной экономики и права. Согласно Global Sanctions Database, совокупное число действующих санкционных режимов устойчиво росло на протяжении всего послевоенного периода, причём наиболее резкие волны роста пришлись на середину

1970-х годов, начало 1990-х годов и период после глобального финансового кризиса 2008-2009 годов; после 2022 года, в связи с санкциями против Российской Федерации, тема приобрела особую актуальность [8].

Современная научная дискуссия выходит за пределы вопроса о том, насколько санкции способны причинить экономический ущерб объекту воздействия. Более значимым становится вопрос о том, приводит ли экономический ущерб к достижению политической цели, ради которой санкции были введены. Именно различие между экономическим воздействием и политической эффективностью является одним из ключевых вопросов современной теории санкций - и, как будет показано далее, это различие носит не только содержательный, но и дисциплинарный характер: экономисты и политологи вкладывают в понятие "эффективности" принципиально разный смысл [6].

1. Генезис и эволюция санкционных ограничений.

Экономическое давление как средство достижения политических целей существовало задолго до формирования современного международного права: одним из наиболее ранних известных исторических примеров экономического принуждения считается Мегарская псефизма Перикла (432 г. до н.э.), запрещавшая купцам Мегары торговать в портах Афин и их союзников. Институциональное оформление санкций как альтернативы непосредственному применению силы связано, однако, прежде всего с развитием международных организаций в XX веке. В рамках Лиги Наций экономические меры рассматривались как инструмент коллективного реагирования на нарушение международных обязательств (например, санкции против Италии в 1935 году), однако их эффективность оказалась ограниченной ввиду отсутствия универсального участия и механизмов принуждения. Институт санкций получил дальнейшее развитие в рамках ООН: в соответствии с главой VII Устава ООН Совет Безопасности вправе определять наличие угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии и принимать меры без использования вооружённых сил, включая экономические и иные ограничения [1].

Первоначально санкции преимущественно носили всеобъемлющий характер. Практика показала, что такие ограничения способны создавать значительные гуманитарные последствия (что наиболее остро проявилось в ходе санкционного режима против Ирака в 1990-е годы), что способствовало переходу к концепции targeted sanctions - целевых санкций, направленных не на экономику государства в целом, а на конкретных лиц, организации, отрасли или виды деятельности [5]. Данная тенденция подтверждается количественно: по данным Global Sanctions Database, доля целевых (финансовых и визовых) санкций выросла с менее чем

одной трети от общего числа случаев в 1950 году до более чем половины к 2016 году [7; 8].

Таким образом, историческую эволюцию санкций можно представить как последовательный переход:

экономическая блокада - широкие торговые ограничения - коллективные санкции - целевые санкции - финансовые и секторальные ограничения - технологические ограничения и экспортный контроль - комплексные санкционные режимы с элементами вторичного воздействия.

Критерий	Комплексные (comprehensive)	Целевые / «умные» (targeted / smart)
Объект воздействия	Экономика государства-цели в целом	Конкретные физические лица, организации, секторы
Инструменты	Полное торговое эмбарго	Заморозка активов, визовые запреты, секторальные ограничения
Историческая динамика	Преобладали до начала 1990-х годов	Доля выросла с менее чем 1/3 в 1950 г. до более чем 1/2 в 2016 г. [7; 8]
Обоснование перехода	Критика по итогам режима против Ирака (гуманитарные издержки)	Концепция «умных санкций» [5]

2. Сущность и цели экономических санкций

Несмотря на широкое использование термина "санкции", универсального определения, охватывающего все существующие формы санкционного воздействия, не существует. В наиболее общем смысле экономические санкции можно определить как ограничительные экономические меры, применяемые государством, группой государств либо международной организацией в отношении определённого субъекта с целью оказания на него давления и достижения политического, правового или поведенческого результата. Из данного определения следует принципиально важный вывод: санкция представляет собой не самоцель, а инструмент достижения определённой цели [2].

В зависимости от характера поставленной задачи можно выделить четыре основные функции санкций. Во-первых, принуждение (coercion) - создание для объекта таких издержек, при которых изменение поведения становится для него более предпочтительным, чем продолжение существующей политики. Во-вторых, сдерживание (deterrence) - применение санкций не только для изменения уже совершённого поведения, но и для предупреждения потенциальных действий в будущем. В-третьих, сигнализирование (signaling) - демонстрация политической позиции государства или коалиции.

В-четвёртых, ограничение возможностей (constraint) - сокращение доступа объекта к финансированию, технологиям и международным рынкам независимо от того, меняется ли его декларируемая политика [2].

Из этого следует, что эффективность санкций не должна оцениваться исключительно по критерию "заставили ли они государство изменить свою политику": санкции нередко преследуют несколько целей одновременно, и ограничение возможностей субъекта само по себе может рассматриваться как результат санкционной политики.

3. Механизм санкционного воздействия

Экономическая санкция воздействует на объект не непосредственно, а через изменение условий его экономического поведения. Упрощённо механизм можно представить следующей цепочкой:

санкционное ограничение ? рост экономических издержек ? изменение стимулов и возможностей субъекта ? изменение поведения ? достижение политической цели.

На практике данная цепочка значительно сложнее: объект санкций может адаптироваться посредством поиска новых торговых партнёров, альтернативных источников финансирования, новых логистических маршрутов и финансовых каналов, а также стимулировать импортозамещение или использовать отношения с третьими странами для частичной компенсации воздействия. Санкционное воздействие, следовательно, представляет собой не одномоментный акт, а динамический процесс,

в котором взаимодействуют инициатор, объект и широкий круг третьих субъектов.

Именно поэтому современные санкционные режимы всё чаще имеют комплексный характер, сочетая ограничение доступа к международной финансовой системе с экспортным контролем, запретом поставок отдельных категорий товаров и замораживанием активов связанных лиц. Особое место занимают вторичные санкции (secondary sanctions), часто рассматриваемые в контексте дискуссии об экстерриториальности санкционного воздействия, распространяющие давление

на третьих лиц, продолжающих определённые отношения с первоначальным объектом. По оценке Felbermayr и соавторов, теоретическое осмысление вторичных санкций остаётся менее развитым по сравнению с исследованием традиционных санкционных механизмов, несмотря на их растущую практическую значимость в санкционных режимах против Ирана, России и Венесуэлы [6].

4. Проблема эффективности санкций

Вопрос эффективности является наиболее дискуссионным направлением исследования санкций. Классическая работа Hufbauer, Schott и Elliott, основанная на систематическом анализе значительного числа санкционных эпизодов, стала одной из наиболее известных попыток оценить результативность санкций; авторы пришли к выводу, что вероятность достижения политических целей существенно зависит от характера поставленной задачи, относительной экономической силы сторон и уровня экономической взаимозависимости, а итоговый показатель успешности составил порядка

30% рассмотренных эпизодов [3]. Данная оценка на протяжении десятилетий подпитывала "общепринятое мнение" о неэффективности санкций как инструмента политики, однако впоследствии была подвергнута методологической критике, в частности со стороны А.С. Drury, показавшего чувствительность итогового показателя к используемой выборке и критериям кодирования случаев [4].

Более глубокое объяснение расхождения оценок предлагает интердисциплинарный анализ Felbermayr, Morgan, Syropoulos и Yotov: сама категория "эффективности" трактуется экономистами и политологами кардинально различным образом. Экономическая и политологическая литература акцентируют различные стороны результативности санкций. Политологический подход преимущественно связывает успех с достижением заявленной политической цели, тогда как экономические исследования уделяют значительное внимание измерению воздействия санкций

на торговлю, производство, благосостояние и другие экономические показатели. Поэтому один и тот же санкционный эпизод может оцениваться как экономически значимый, но политически неуспешный. Авторы образно сравнивают ситуацию с притчей о слепцах, ощупывающих слона: каждая дисциплина исследует лишь

часть явления, не видя целого [6; 7].

С учётом сказанного эффективность санкций целесообразно оценивать по меньшей мере по четырём взаимосвязанным критериям: (1) экономическое воздействие - насколько существенно изменились экономические условия для объекта; (2) адаптационная способность - насколько быстро объект смог найти альтернативные каналы торговли и финансирования; (3) политический эффект - произошло ли изменение поведения, являвшееся непосредственной целью санкций; (4) системный эффект - какие последствия возникли для инициатора, третьих государств и международной экономической системы в целом. Такой подход позволяет избежать распространённой ошибки, при которой причинённый экономический ущерб автоматически интерпретируется как политический успех [6; 12].

5. Санкции и международное право

Отдельную проблему представляет правовая природа санкций. В случае мер, принимаемых Советом Безопасности ООН в рамках главы VII Устава, существует определённая институциональная и правовая основа их применения [1]. Ситуация значительно сложнее в отношении односторонних санкций, вводимых отдельными государствами без соответствующего решения Совета Безопасности. В международно-правовой литературе отсутствует единообразная позиция относительно правомерности таких мер: одни исследователи рассматривают их через институт контрмер (countermeasures) и иные признанные механизмы международного права, обусловленные соблюдением принципов соразмерности и обратимости, тогда как другие, в частности D. Novell, ставят под сомнение саму правомерность автономных (unilateral) санкций с точки зрения принципов суверенного равенства государств и невмешательства [10]. Комплексный анализ соотношения односторонних санкций

с международными стандартами защиты прав человека представлен также в работе I. Bogdanova [11].

Особенно сложным является вопрос экстерриториальности: если государство вводит ограничения не только в отношении собственных граждан и компаний, но и пытается воздействовать на деятельность иностранных субъектов (вторичные санкции), возникающий механизм выходит

за пределы традиционного понимания территориальной юрисдикции. В результате современная санкционная политика находится на пересечении двух тенденций - расширения способности отдельных государств использовать экономическую взаимозависимость как инструмент внешней политики и одновременного возникновения вопроса о правовых пределах такого воздействия.

6. Санкции в условиях геополитической трансформации

Современная геополитическая ситуация существенно изменила характер санкционного воздействия. Если ранее эффективность санкций во многом зависела от экономической зависимости объекта от одного или нескольких крупных государств, то в условиях многополярной мировой экономики возможности адаптации становятся значительно шире: государства, подвергшиеся санкциям, могут переориентировать торговые потоки, использовать альтернативные финансовые системы, менять валюту расчётов и развивать собственные платёжные механизмы. Данные Global Sanctions Database подтверждают это количественно: структура санкционных связей "отправитель-цель" в 2016 году оказалась существенно сложнее по числу вовлечённых регионов и направленности потоков по сравнению с 1950 годом, что во многом объясняется ростом доли многосторонних санкций, вводимых ООН и ЕС [7; 8].

Одновременно санкции сами становятся фактором трансформации международной экономики. Возникает феномен *weaponized interdependence* - использования существующих сетей экономической и финансовой взаимозависимости в качестве инструмента политического воздействия: международная взаимозависимость перестаёт быть исключительно источником экономической выгоды и становится потенциальным источником уязвимости. Таким образом, санкционная политика постепенно трансформируется из относительно локального инструмента давления в элемент более широкой системы геэкономического соперничества, обозначаемой в современной литературе также понятием "война иными средствами" [13].

7. Парадокс санкций: давление и адаптация

Одним из наиболее существенных парадоксов санкционной политики является то, что усиление давления не всегда приводит к пропорциональному росту политического результата. Чем продолжительнее действует санкционный режим, тем больше времени получает объект для адаптации: возникают новые поставщики, рынки, посредники и финансовые механизмы, вследствие чего первоначальный шок постепенно снижается. С другой стороны, чрезмерное расширение санкционного режима способно увеличивать его стоимость для самого инициатора и третьих государств. Таким образом, санкции могут создавать обратный эффект: вместо изолирования объекта они способствуют формированию новых экономических связей и механизмов обхода ограничений.

Поэтому важнейшим условием результативности санкций является не максимизация их количества и масштаба, а соответствие санкционного инструмента конкретной политической цели. Исследования Hufbauer и соавторов показывают, что санкции имеют более высокую вероятность достижения результата в тех случаях, когда поставленная цель является относительно ограниченной, объект существенно зависит от инициатора экономически, а санкции вводятся достаточно быстро и имеют ясную цель; при наличии противоречивых целей или чрезмерно широкого санкционного режима вероятность достижения результата снижается [3].

Заключение

Экономические санкции сформировались как один из важнейших инструментов международного воздействия, позволяющий государствам и международным организациям оказывать давление без непосредственного применения вооружённой силы. Их эволюция отражает изменение самой системы международных отношений: от масштабных торговых ограничений и экономической блокады - к целевым финансовым, секторальным и технологическим мерам. При этом сущность санкций заключается не в самом факте ограничения экономических отношений, а в использовании экономических издержек для достижения определённой политической цели, поэтому наличие значительного экономического ущерба само по себе ещё не свидетельствует о политической эффективности режима.

Отвечая на вопрос, лежащий в основании настоящего исследования, - нужны ли санкции как инструмент внешней политики, - представляется обоснованным утверждать, что сам вопрос в такой постановке методологически неполон. Как показывает интердисциплинарный анализ, санкции одновременно являются и экономически результативными (в терминах наносимого ущерба),

и политически ограниченно эффективными (в терминах достижения заявленных целей) - и именно это сочетание объясняет как их растущую популярность у лиц, принимающих решения, так

и сохраняющуюся научную полемику об их оправданности. Результативность

санкций определяется не масштабом давления, а совокупностью факторов: характером поставленной цели, экономической взаимозависимостью сторон, адаптационными возможностями объекта, наличием международной коалиции и правовой обоснованностью применяемых мер.

Дальнейшее развитие теории санкций требует не выбора между "экономическим" и "политологическим" прочтением, а более тесной интеграции обеих дисциплин - а также международного права, социологии и регионоведения - для построения целостной картины явления, которое, по меткому сравнению исследователей, пока напоминает слона, ощупываемого по частям [6].

Список использованной литературы.

1. Устав Организации Объединённых Наций, глава VII, статья 41.
2. Baldwin, D.A. (1985). *Economic Statecraft*. Princeton: Princeton University Press.
3. Hufbauer, G.C., Schott, J.J., Elliott, K.A., Oegg, B. (2007). *Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy*. 3rd ed. Washington, D.C.: Peterson Institute for International Economics.
4. Drury, A.C. (1998). Revisiting Economic Sanctions Reconsidered. *Journal of Peace Research*, 35(4), 497-509.
5. Cortright, D., Lopez, G. (2002). Smart sanctions: targeting economic statecraft. *Ethics & International Affairs*, 16(2).
6. Felbermayr, G., Morgan, T.C., Syropoulos, C., Yotov, Y.V. (2021). Understanding economic sanctions: Interdisciplinary perspectives on theory and evidence. *European Economic Review*, 135, 103720.
7. Felbermayr, G., Morgan, T.C., Syropoulos, C., Yotov, Y.V. (2025). Economic Sanctions: Stylized Facts and Quantitative Evidence. *Annual Review of Economics*, 17, 175-195.
8. Kirilakha, A., Felbermayr, G., Syropoulos, C., Yalcin, E., Yotov, Y.V. (2021). The Global Sanctions Data Base: An update. *School of Economics Working Paper Series*, Drexel University.
9. Syropoulos C., Felbermayr G., Kirilakha A., Yalcin E., Yotov Y.V. (2024). The Global Sanctions Data Base-Release 3: COVID-19, Russia, and multilateral sanctions. *Review of International Economics*, 32(1), 12-48. DOI: 10.1111/roie.12691.
10. Hovell, D. (2019). Unfinished Business of International Law: The Questionable Legality of Autonomous Sanctions. *AJIL Unbound*, 113, 140-145.
11. Bogdanova, I. (2022). *Unilateral Sanctions in International Law and the Enforcement of Human Rights*. Leiden: Brill/Nijhoff.
12. Egger, P.H., et al. (2024). Analyzing the Effects of Economic Sanctions: Recent Theory, Data, and Quantification. *Review of International Economics*.
13. Blackwill, R.D., Harris, J.M. (2016). *War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft*. Harvard University Press.